

УДК 930 (=16)

А. В. Литвинский

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В представленной статье рассматривается методология исследования проблемы локализации прародины славян в научных трудах конца XX — начала XXI века. Определяется база и информационный потенциал источников, на основании которых подготовлена данная работа. Лаконично характеризуются методологические принципы и методы исследования.

В статье показаны основные тенденции исследования и методологические подходы к решению данной проблемы. Проанализированы позиции ученых данного периода по проблеме локализации прародины славян.

Ключевые слова: славяне; этногенез; прародина; методология; славистика.

Библиогр.: 34 назв.

A. V. Litvinski

Baranovich State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str.,
225404 Baranovich, the Republic of Belarus, +375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SLAVS ANCESTRAL HOMELAND LOCALIZATION IN HISTORIOGRAPHY OF THE END OF XX — EARLY XXI CENTURY

The article discusses methodology of the study of the problem of Slavs ancestral homeland localization in scientific works of the end of XX — early XXI century. The grounds and the information potential of the resources used in the present work have been determined. The methodological principles and methods research are characterized.

The article illustrates the main trends of the study and methodological approaches to solving this problem. The points of view scientists from that period on the Slavs ancestral homeland localization have been analyzed.

Key words: the Slavs; ethnogenesis; the ancestral homeland; methodology; the Slavic studies.

Ref.: 34 titles.

Введение. Происхождение славян является междисциплинарной научной проблемой, имеющей очевидный оттенок парадоксальности. Огромнейшие успехи славяноведения в области накопления, обработки и интерпретации весьма значительного по своему объёму эмпирического материала, не привели, однако, к ответам, хотя бы в основном удовлетворяющим научное сообщество, не говоря уж о частностях. До сих пор дискуссионными остаются многие вопросы этногенеза славян, в том числе вопрос определения их прародины, который, хотя и серьёзно разрабатывается уже свыше 150 лет, несколько не утратил актуальности.

На наш взгляд, разнообразие позиций по данному вопросу во многом объясняется различными методологическими установками исследователей. Анализу этих установок, представленных в историографии конца XX — начала XXI века (точнее говоря, имеется в виду период со второй половины 70-х годов XX века до наших дней), посвящена предлагаемая заинтересованному читателю статья, цель которой — выяснить методологические подходы исследователей к проблеме локализации прародины славян. Следует сразу же оговорить несколько моментов. Во-первых, обозначенный хронологический период выбран и потому что на его протяжении

вышли в свет солидные труды по рассматриваемой проблеме, представляющие большой научный интерес, и потому что по причине своей относительной новизны в них изложены современные методологические позиции.

Во-вторых, мы не ставили своей целью произвести полномасштабный историографический обзор и ограничились лишь рассмотрением наиболее характерных взглядов, преимущественно ориентируясь на, так сказать, постсоветскую историографию и на наиболее репрезентативные научные труды. При этом термин «историография» в выбранном контексте понимается довольно-таки широко, согласно основополагающему для славяноведения принципу междисциплинарности: коль скоро процесс образования славянской этноязыковой общности исторический, то и в состав историографии проблемы можно и даже нужно включить соответствующие научные труды не только историков и археологов, но также этнологов, лингвистов, специалистов в области антропологии и популяционной генетики.

Доселе методологические аспекты локализации прародины славян не выделялись в специальную, конкретную и четко обозначенную тему исследования (во избежание путаницы еще раз акцентируем внимание на том, что в данном контексте речь идёт не о самой проблеме определения прародины славян, историография которой как раз таки весьма обширна, а именно о методологических аспектах этой проблемы, поэтому в предлагаемой статье будет сведено к минимуму сравнение достоверности самих концепций славянской прародины, за исключением тех случаев, где без этого нельзя будет обойтись). Разумеется, ученые тем или иным способом очерчивали собственные методологические принципы, а также в какой-то мере характеризовали принципы коллег по научному цеху, иногда полемизируя с ними. Однако вряд ли их соображения и замечания по этому поводу можно воспринимать в качестве полноценной историографии проблемы.

Материал и методы исследования. Основой для подготовки данной статьи стал анализ трудов специалистов в области славяноведения, внёсших в конце XX — начале XXI века весомый вклад в разработку проблемы локализации славянской прародины. При этом, как уже было отмечено выше, мы ориентировались на работы, в наибольшей степени информационно насыщенные, содержащие очевидный научно-методологический контент. Это труды монографического характера, непосредственно относящиеся к исследованию этногенеза славян [1—8]; статьи и доклады, имеющие фактически концептуальный характер, в том числе содержащие полемику с оппонентами [9—22]; работы, в которых в той или иной степени затрагиваются отдельные вопросы славянского этногенеза [23—28]; издания письменных источников по предыстории и истории ранних славян [29; 30]; солидные работы по этногенезу других этноязыковых общностей, важные для типологизации тех или иных методологических аспектов [31; 32].

Данная база источников позволяет с достаточной полнотой проанализировать тенденции методологического характера, проявляющиеся в процессе определения славянской прародины. Поскольку работа во многом носит обзорный характер и не предполагает подробного разбора взглядов ученых, мы посчитали за лучшее по возможности избегать прямого и обильного цитирования (в противном случае это сделало бы статью слишком громоздкой), отдавая предпочтение косвенным отсылкам к их трудам, разумеется, оформленным соответствующим образом.

В процессе исследования мы старались придерживаться принципов объективности и историзма. В силу специфики исследования особое место принадлежит комплексному научному междисциплинарному подходу, выражающемуся в критическом осмыслении исторической, археологической, историографической, источниковедческой, этнологической, лингвистической информации. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, приёмы герменевтики. Поскольку работа имеет методологический характер, предпочтение отдавалось структурно-функциональному методу в сочетании с методом контент-анализа, что позволяет проследить значимость методологических аспектов в научных произведениях различных авторов. Надлежащее значение в ходе исследования имели также историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Первое, с чем имеют дело исследователи, стремящиеся локализовать прародину славян на определённой территории, — это с необходимостью уяснения для себя смысла самого понятия «прародина». Кстати, почему «прародина», а не «родина»? В качестве ответа на этот вопрос обычно высказывается предположение о существовании некоей праславянской общности, практически не зафиксированной письменными источниками, но обладающей свойством выводимости из неё исторических славян. В таком дискурсе вполне оправданной является корреляция терминов «праславяне» — «прародина». По-другому говоря, предполагается генетическая преемственность (в этноязыковом и материально-культурном смысле этого словосочетания, а в последнее время, в связи с бурным развитием популяционной генетики, — и в собственно биологическом смысле) между праславянами и славянами.

Такая позиция, которую можно охарактеризовать как традиционную, очевидно преобладает и в историографии рассматриваемого периода. Считается, что в определённом ареале некогда сложилась предковая для славян общность, которая уже обладала специфическими признаками, выделявшими её среди соседей. В наибольшей степени данная позиция выражена в трудах известных советских и российских ученых: историка и археолога Б. А. Рыбакова [4, с. 11—108] и лингвиста О. Н. Трубачёва [7]. Интересно будет заметить, что именно оба эти автора склонны к своеобразному удревнению славян. По-своему это выглядит довольно-таки логично — ведь если ученые прослеживают славянскую преемственность практически непосредственно от индоевропейцев, с эпохи бронзового века, то и славяне естественным образом оказываются в их построениях этносом весьма древним. Фактически, это примордиалистская позиция, наиболее четко выраженная в следующих, достаточно спорно звучащих словах О. Н. Трубачёва: «Самоназвание отражает уже развитое этническое самосознание, которому, разумеется, предшествует длительный период существования этноса в условиях более древних форм самосознания и простейших самоидентификаций типа “мы”, “люди”» [7, с. 9].

В несколько смягченной форме, с определёнными оговорками, подобные взгляды высказывались и другими авторами, в частности, крупнейшим советским и российским славистом В. В. Седовым [5, с. 70—76], советским и белорусским археологом Э. М. Загорульским [12], советским и белорусским лингвистом В. В. Мартыновым [16]. Характерно, что они настаивают на достаточно раннем выделении праславянского языка из индоевропейской семьи, в особенности Э. М. Загорульский. Отсюда и стремление связывать со славянами или их предками археологические культуры бронзового века, к примеру, культуру шаровых амфор [12]. Но, главное, сторонники такой точки зрения ориентируются на традицию в сфере компаративистики, согласно которой праславянский, или общеславянский, язык — явление относительно раннее, достаточно древнее. А раз он существовал давно, то, естественно, существовали его физические носители, притом же в достаточном количестве для того чтобы фактически через тысячелетия сохраниться и приумножиться как некая этноязыковая общность, которая положила начало историческим славянским народам.

Соответственно, прародину славян они видят там, где возник и развился праславянский язык, хотя локализация этой прародины может быть разной. Например, О. Н. Трубачёв фактически возродил Дунайскую концепцию происхождения славян, которую всё же корректнее было бы назвать Неодунайской или Паннонской, чтобы отличать её от известной версии «Повести временных лет». А вот В. В. Мартынов, Э. М. Загорульский и В. В. Седов склоняются, правда, в разных вариациях, к Висло-Одерской локализации прародины славян. Наконец, Б. А. Рыбаков последовательно придерживался концепции «широкой» прародины, видя её на необозримых просторах между Одером и Днепром.

На наш взгляд, подобный подход уязвим именно с методологической точки зрения. Он вызывает вопросы, на которые очень трудно, а порой и невозможно дать убедительные, логически выверенные ответы. Во-первых, каким образом можно проследить преемственность в развитии славянского этноса от бронзового века до выхода славян на широкую историческую арену в середине VI века, если письменные свидетельства о наших языковых предках отсутствовали? Как с ноткой язвительности когда-то заметил известный советский археолог

А. Л. Монгайт, «попытки найти того кроманьонца, от которого произошел славянин, и другого кроманьонца, от которого произошел француз или англичанин, не только научно не оправданы, но порочны, так как в них содержится идея об извечной биологической разнице, предопределявшей судьбу каждого народа на протяжении всего его исторического пути» [33].

Во-вторых, почему люди, интересующиеся этногенезом славян, должны интуитивно, фактически на веру принимать утверждение о том, что праславянский язык, реконструированный лингвистами, существовал в глубокой древности, если корректно доказать это, будем откровенны, фактически невозможно? В этой связи уместно будет привести цитату российского археолога М. Б. Щукина: «Хронология — одно из самых слабых мест лингвистов. Все их отсылки на процессы IV—I тысячелетий до н. э., которыми они часто оперируют, на самом деле сугубо интуитивны, и никаких реальных привязок к реальным историческим процессам в самом языкознании практически не существует. Приходится обращаться, подчас довольно произвольно, к археологическим и историческим данным» [22].

В принципе, похожей точки зрения придерживается украинский археолог В. Д. Баран. Признавая возможность корреляции («наложения») друг на друга) археологических культур и «лингвистических регионов», он в то же время замечает, что «сравнительное языкознание имеет свои слабые места», поскольку «языковые явления в большинстве случаев не поддаются датированию, что значительно уменьшает их историко-познавательные возможности», а понятия «история языка» и «история народа» хотя и связаны между собой, но не тождественны [1, с. 27] (*перевод с украинского языка на русский наш. — А. Л.*). Такая же мысль в той или иной форме иногда высказывается в трудах и других археологов.

Наконец, с точки зрения уже не столько логики исторического познания, сколько логики самого исторического процесса (если таковая вообще есть), странно выглядит ситуация, согласно которой славяне, будто бы издавна обитая в Европе, настолько умело скрывались, что о них до VI века практически ничего не было известно. В этой связи российский византист и славист С. А. Иванов, полемизируя в том числе с О. Н. Трубочёвым, эмоционально замечает: «Конечно, на процесс трансмиссии этнонима могло уйти какое-то время, но ведь не века же!» [13, с. 8]. Пусть себе античные авторы не очень охотно сообщали о варварах, и это наблюдение справедливо, но такой «заговор молчания» относительно крупной европейской этноязыковой общности выглядит, по мнению ученого, неправдоподобно — ведь сообщали же античные авторы об индусах и лопарях [13, с. 8].

Не спасают положения упования на то, что славяне до VI века либо не имели самоназвания, либо его имели, но были известны тем же античным авторам не под самоназванием, а под экзоэтнонимом. Вообще-то говоря, несовпадение эндоэтнонима и экзоэтнонима в отношении того или иного народа — явление, обыденное в этнической истории (вспомним, к примеру, что мы называем немцев, греков, китайцев, финнов, венгров совсем не так, как это делают они сами в отношении себя). Можно предположить, что славяне или их предки раньше назывались как-то иначе, например, венедами, но доказательств этого, по сути дела, нет. Такая версия, базирующаяся на сообщении готского историка Иордана [29, с. 106—111, 127—154], — не более чем предположение. Характерно, что современник Иордана Прокопий Кесарийский, хотя и немало сообщает о склавинах и антах, ни разу не упоминает в данном контексте о венедах или венетах [29, с. 170—249].

Но дело даже не в этом, а в том, что этносы, как и любые иные человеческие сообщества, историчны. Они имеют начало в истории, иногда относительно позднее по сравнению с предыдущими этносами, поэтому не надо возводить каждый из них «к Адаму и Еве». И если некая общность разговаривала на языке, пусть и предковом для славянского, но по своим характеристикам еще далеко отстоящем от него, и люди, её составляющие, славянами себя не считали, а линейную связь между ними и славянами невозможно установить средствами науки, то можем ли мы утверждать о существовании славян в глубинах седой древности? Думаем, что нет.

Среди ученых конца XX — начала XXI века одним из первых, насколько нам известно, поставил вопрос в такой плоскости уже упомянутый выше С. А. Иванов [13]. Не случайно и название его статьи сформулировано в вопросительной форме. Интересной особенностью данной работы явилось, кроме всего прочего, еще и то, что автор цементирующей основой этноса считал такой довольно-таки субъективный фактор, как этническое самосознание, выражающееся, прежде всего, в наличии самоназвания (эндоэтнонима), а не относительно общего языка (пусть себе и с диалектами) или относительно единой материальной и духовной культуры («Что же тогда формирует сам этнос? Как это ни покажется странным — само сознание принадлежности к нему» [13, с. 6]). Такой подход, пожалуй, усложняет поиск ответа на вопрос, где находилась славянская прародина, поскольку, исходя из информации исторических источников различного происхождения, трудно, а может быть, и невозможно определить место возникновения этнического самосознания первых славян. Сам же исследователь склонялся к мысли, что это самосознание уже существовало у них до выхода на границы Византии в VI веке.

Позицию, которую можно охарактеризовать в качестве гиперкритической по отношению к уже сложившейся славяноведческой традиции, занимает американский исследователь Ф. Курта [8]. Отвечая на методологический по своей сути вопрос о содержании термина «этничность», он выражает несогласие с советскими учеными, делавшими акцент на объективные характеристики этноса, такие, как язык (прежде всего), материальная культура и духовные традиции, в целом понимая этничность в смысле, раскрытом в нашей статье абзацем выше.

Свой же взгляд по проблеме происхождения славян американский ученый излагает следующим образом: «The name “Slavene” was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnies on the other side of the northern frontier of Empire» («Имя “склавины” было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную конфигурацию народов по ту сторону северной границы империи») [8, с. 118—119]. При таком подходе вопросу о славянской прародине фактически не остаётся места в традиционном, своего рода классическом для славистике дискурсе. В самом деле, о какой прародине можно говорить, если славяне — «византийский конструкт»? Впрочем Ф. Курта не совсем последователен, когда высказывает вот такое мнение: «It might be that “Slavene” was initially the self-designation of a particular ethnic group» («Быть может, изначально имя “склавины” было самоназванием отдельной этнической группы») [8, с. 119]. Значит, славяне всё же существовали до их «изобретения» византийцами? Тогда, выходит, что попытки найти их прародину могут быть плодотворными.

Труд американского слависта был с настороженностью, но и с интересом воспринят научным сообществом. Тот же С. А. Иванов, а также археолог П. В. Шувалов опубликовали статьи, в которых даётся в целом критическая оценка взглядам Ф. Курты на славянский этногенез [14; 21]. Скажем, С. А. Иванов резонно замечает, что византийцам не было нужды изобретать новую этничность [14, с. 8], поскольку «греко-римские авторы вообще никогда не выдумывали этнонимы», что Прокопий Кесарийский воспринимал склавинов как отдельный этнос, имеющий общее происхождение с антами, что «под стены Юстиниановых крепостей вышли люди, уже точно осознававшие, что они — славяне» [14, с. 11]. Главная же претензия П. В. Шувалова к Ф. Курте заключается в том, что последний никак не описал механизм распространения среди славян будто бы созданной в Константинополе этнической идентичности [21, с. 19—20].

Точка зрения Ф. Курты, фактически решительно, с вызовом и эпатажем, отрицающая в отношении славян само понятие «прародина», конечно же, экстравагантна, даже в какой-то степени вычурна. Однако совсем отрицать её методологическое значение, на наш взгляд, не следует. Американский исследователь, пусть далеко не всегда убедительно, обратил внимание на сложность этногенеза славян, на то, что распространение идентичности ни в коем случае нельзя сводить к миграциям из какого-то центра и к демографическому взрыву. Иное дело, что вместе с водой, он, похоже, выплеснул и ребёнка. Его гипотеза происхождения славян порождает много вопросов, а ответы при этом трудно верифицируются научными средствами.

Если позицию Ф. Курты можно охарактеризовать в качестве крайней, своеобразного антипода позициям Б. А. Рыбакова и О. Н. Трубачёва, то необходимо отметить, что в обозначенный период преобладание получили взгляды, для которых характерен отказ от крайностей в сочетании с пониманием нелинейности и противоречивости этногенетических процессов. На рубеже веков перевес получила тенденция, согласно которой происхождение славян понимается не как процесс неуклонного разрастания некоей архаической общности, издревле существовавшей в Европе, но и не как этническое конструирование каких-то могущественных сил, при котором славяне выступали бы в качестве только объекта. В то же время не отрицается влияние на этот процесс агроклиматических, демографических, геополитических и иных значимых факторов, которые усложняли этногенез, придавали ему ту самую нелинейность, о которой было упомянуто выше.

Что же касается термина «прародина», то, по нашему мнению, здесь наблюдается тенденция к некоторому «размыванию» данного понятия. В качестве прародины далеко не всегда выступает некоторая четко очерченная территория, на которой будто бы жили славяне и дожидались «часа икс», когда появилась возможность широко, в разных направлениях, расселиться на просторах Европы. Учитывается стадильность процесса, его неравномерность и дискретность, его континуальный характер как во времени, так и в пространстве.

Это, впрочем, не означает отказа от поисков прародины. Однако в её качестве могут выступать территории, на которых начался славянский этногенез, земли, где славяне оформились в относительно стабильное сообщество, ареал, соотносимый с известиями письменных источников (за очень редким исключением, в качестве такового принимается территория распространения Пражской археологической культуры), регион, который сами славяне считали своей прародиной, что было зафиксировано в письменных источниках и в фольклоре различных народов славянской языковой группы (это, как известно, Подунавье – о его значении в судьбах славянства наиболее убедительно, как мы считаем, сказано у российских исследователей В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского [27, с. 148—155]). Характерно, что выбор между этими «прародинами» зависит от методологических установок ученых не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем от интерпретации накопленного эмпирического материала. Бывает, что данный выбор схож или даже почти идентичен у разных исследователей, но его методологические основания при этом весьма отличаются.

В качестве примера можно сравнить позиции О. Н. Трубачёва, с одной стороны, и только что упомянутых В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского — с другой. Эти авторы отводят особую роль Дунаю в славянском этногенезе, но если для О. Н. Трубачёва Подунавье — это исконная территория обитания славян еще со времён бронзового века (в таком случае, экспансия ранне-средневековых славян на Дунай имеет характер Реконкисты) [7, с. 5], то В. Я. Петрухин и Д. С. Раевский особую роль Дуная видят в том, что на его берегах славяне «стали участниками всемирной истории» и «обрели своё имя» [27, с. 155], а утверждаемая О. Н. Трубачёвым будто бы имевшая место Реконкиста, выходит, здесь совершенно не причем (кстати говоря, мстительные намерения славян отвоевать земли, на которых они жили издревле, насколько нам известно, не подтверждаются ни письменными, ни фольклорными источниками).

Теперь приведём пример из области археологии. В последнее время всё большее распространение получает точка зрения, согласно которой предшественницей Пражской археологической культуры была Киевская археологическая культура. Однако авторы, с той или иной степенью убедительности отстаивающие подобный взгляд, а это С. Е. Рассадин [3, с. 232, 271—272, 277, 281—282], Р. В. Терпиловский [6, с. 94—95], Г. С. Лебедев [15, с. 198; 114], В. Л. Носевич [18; 19; 24, с. 37], М. Б. Щукин [22], излагают не всегда совпадающие аргументы.

Очень сложной и неоднозначной является проблема корреляции данных лингвистики, археологии и известий письменных источников. Преимущество языковедения вытекает из самого факта определения сущности славян. По большому счету, только языки являются тем, что объединяет славян в некоторую общность, и нет иного критерия, кроме языкового, который производил бы подобное объединение. Можно, конечно же, предположить, в духе построений

Ф. Курты, что когда-то славянами называли не только славофонов, но и людей, имевших четко выраженную славянскую идентичность, независимо от того, какой язык был средством их общения. Однако, исследуя происхождение славян, мы просто не имеем права игнорировать вопросы глоттогенеза, хотя и понимаем, что он — только одна из составляющих этногенеза. От того, какой нам представляется картина эволюции языка, ставшего основой исторических славянских языков, зависит наше представление об этногенезе славян в целом, в том числе и ответ на вопрос об их прародине.

В качестве доказательства последнего тезиса необходимо, к примеру, вспомнить о разнице во взглядах между знаменитыми языковедами-славистами: уже неоднократно упомянутым О. Н. Трубачёвым [7] и американцем Х. Бирнбаумом [9; 23]. Если первый довольно решительно отрицал особую изначальную балто-славянскую языковую общность, что во многом предопределило выбор им Подунавья в качестве прародины славян, то второй, наоборот был достаточно последовательным сторонником утверждения о некогда существовавшей подобной общности и видел истоки славянства на периферии балтского мира.

Иногда археологи постулируют тезис, согласно которому лингвистические и археологические исследования должны вестись независимо друг от друга и своеобразно пересекаться только на стадии подведения итогов и их сопоставления [5, с. 36; 22]. Однако, по нашим наблюдениям, археологи далеко не всегда придерживаются этого принципа, ориентируясь на уже сложившуюся компаративистскую традицию. Замечено, к примеру, что если археолог «удревняет» возраст славян, он ориентируется на традицию, отрицающую особое балто-славянское единство [12]. И наоборот, если признаётся факт довольно-таки позднего «отпочкования» славянского языка от балто-славянского или просто балтского [34], то славянский этнос мыслится как относительно молодой [3, с. 3—14, 232, 271, 272, 277, 281, 282], говорит о «рождении славян» [22].

Показательна в этой связи ситуация с Киевской культурой. По мнению В. В. Седова, она никак не могла быть славянской в своей этнической основе, поскольку в её ареале доминирует балтская гидронимия [5, с. 69—79, 140—141]. Белорусский археолог С. Е. Рассадин, однако, утверждал: «Итак, уже надо бы ставить вопрос о причинах и механизме выделения славян из единой балто-славянской общности, или, точнее, отделения от единого древнебалтийского массива той его части, из которой потом развилось славянство» [3, с. 232], — и, исходя из этого, полагал, что один из этапов формирования славянской общности вполне мог происходить на территории Киевской культуры, поскольку там славяне могли отделиться от балтов.

Противоречие между балтской гидронимией в ареале и постулированием важной роли данного ареала в «славяногенезе» в таком случае снимается в пользу допущения того, что некий балтский по происхождению язык преобразовался после того, как его носители покинули территорию распространения Киевской культуры, хотя это допущение довольно трудно обосновать надлежащим образом, опять же, из-за проблем сравнительно-исторической лингвистики с абсолютной хронологией языковых процессов и с их соотношением с данными письменных источников. Однако есть надежда, что некое промежуточное и связующее звено между Киевской и Пражской культурой будет обнаружено археологическими методами.

Заключение. Проблема происхождения славян чрезвычайно сложна для её убедительного решения средствами науки. Это как задача со многими неизвестными. Причем иногда складывается парадоксальное впечатление, что чем больше мы узнаём, тем меньше мы понимаем. Парадоксальность эта во многом объясняется взрывообразным характером славяногенеза.

Однако «дорогу осилит идущий», и славистика в конце XX — начале XXI века достигла немалых успехов на этом пути, в том числе и по вопросу определения славянской прародины во времени и пространстве. В условиях принципиальной недостаточности информации источников различного происхождения (вещественных, письменных, лингвистических, фольклорных), пожалуй еще большее значение, чем раньше, приобретают методологические подходы и установки исследователей.

Наблюдается постепенный отход от традиционных представлений о славянской прародине, на территории которой славяне обитали издревле. Вместе с тем такие представления не отбрасываются напрочь (хотя в редких случаях и такое происходит), а модернизируются и эволюционируют в направлении признания сложности и неоднозначности этногенетических процессов.

Термин «прародина» всё чаще в данный период понимается в стадильном смысле. Например, в таком смысле можно воспринимать в качестве прародины славян и территорию Киевской археологической культуры, и регион Пражской (Пражско-Корчакской) археологической культуры, и берега Дуная, на которых, по-видимому, произошло окончательное оформление славянской общности. В данном случае, опять же, многое зависит от методологических установок исследователя, разумеется, в сочетании с уровнем профессионализма.

Как и в предыдущие периоды, актуальной остаётся проблема обеспечения плодотворного взаимодействия представителей различных наук в рамках комплексного междисциплинарного подхода. В особенности важны отношения в рамках научного дискурса между археологами и языковедами-компаративистами. Спектр этих отношений в данный период существовал в диапазоне от взаимных пикировок до взаимного доверия к достигнутым научным результатам. Отмечается достаточно значительное влияние, прежде всего, теоретических построений лингвистов на взгляды археологов. По-прежнему локализация славянской прародины во многом зависит от позиций исследователей по балто-славянской проблеме.

Список цитируемых источников

1. Баран, В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. — Київ : Альтернативи, 1998. — 336 с.
2. Кобычев, В. П. В поисках прародины славян. / В. П. Кобычев. — М. : Наука, 1973. — 106 с.
3. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Белорус. экзархат, 2008. — 288 с.
4. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков — М. : Наука, 1982. — 591 с.
5. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — М. : Языки славян. культуры, 2002. — 624 с.
6. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. / Р. В. Терпиловский. — Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. — 232 s.
7. Трубочёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования / О. Н. Трубочёв. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
8. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. — С. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.
9. Бирнбаум, Х. Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев) [Электронный ресурс] / Х. Бирнбаум // Вопр. языкознания. — М., 1988. — № 5. — С. 35—49. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>. — Дата доступа: 28.08.2018.
10. Вернер, И. К. Происхождению и распространению антов и склавен / И. Вернер // СА. — 1972. — № 4. — С. 102—114.
11. Гавритухин, И. О. Понятие Пражской культуры / И. О. Гавритухин // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 7—25.
12. Загорюльский, Э. М. Проблема датирования начала славянского этногенеза [Электронный ресурс] / Э. М. Загорюльский // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2006. — С. 153—158. — Режим доступа: <http://historicaldis.ru/blog/43085551324/Problema-datirovaniya-nachala-slavyanskogo-etnogenyzoa>. — Дата доступа: 28.08.2018.
13. Иванов, С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // Советское славяноведение. — 1991. — № 5. — С. 3—13.
14. Иванов, С. А. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности / С. А. Иванов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. — Санкт-Петербург, 2008. — № 2 (4). — С. 5—12.
15. Лебедев, Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза / Г. С. Лебедев // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 105—115.

16. *Мартынов, В. В.* Славянский, италийский, балтийский (глотогенез и его верификация) В. В. Мартынов // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 37—43.
17. *Мачинский, Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Тр. ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 460—538.
18. *Носевич, В.* Истоки славянства [Электронный ресурс] / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов. — 2010. — Режим доступа: <http://vln.by/node/176>. — Дата доступа: 26.02.2012.
19. *Носевич, В.* Славяне и субстрат [Электронный ресурс] / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов. — 2010. — Режим доступа: <http://vln.by/node/181>. — Дата доступа: 26.02.2012.
20. *Фурасьев, А. Г.* О роли миграций в этногенезе ранних славян [Электронный ресурс] / А. Г. Фурасьев // Истоки древнерусской государственности. — СПб., 2009. — Режим доступа: <http://www.archaeology.ru/p5/t1800/index.html>. — Дата доступа: 14.04.2014.
21. *Шувалов, П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) / П. В. Шувалов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. — 2008. — № 2 (4). — С. 13—20.
22. *Щукин, М.* Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска [Электронный ресурс] / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы. — 1997. — Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/25_sch/uk/in_1997.htm. — Дата доступа: 22.07.2012.
23. *Бирнбаум, Х.* Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч. Вс. Иванов, С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. Примечания к статье) / Х. Бирнбаум // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 2003. — № 5. — С. 6—29.
24. Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3 т. — Мінск : Белкартаграфія, 2009. — Т. 1 / пад рэд. В. Л. Насевіча. — 246 с.
25. *Вяргей, В. С.* Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай / В. С. Вяргей // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка [і інш.] ; пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. — Мінск : Беларус. навука, 1999. — 502 с.
26. *Егорейченко, А. А.* Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. — Минск : БГУ, 2006. — 207 с.
27. *Петрухин, В. Я.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Знак, 2004. — 416 с.
28. *Хабургаев, Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» / Г. А. Хабургаев — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979 — 232 с.
29. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I—VI вв.). — Изд. 2-е, испр. — М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.
30. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII—IX вв.). — М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 590 с.
31. *Гамкрелидзе, Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — 1330 с.
32. *Кузьменко, Ю. К.* Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика / отв. ред. Н. Н. Казанский / Ю. К. Кузьменко. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 266 с.
33. *Монгайт, А. Л.* Археологические культуры и этнические общности [Электронный ресурс] / А. Л. Монгайт // Археология Западной Европы. Каменный век. — 1973. — Режим доступа: <http://texts.news/stran-evgoruyi-istoriya/arheologicheskie-kulturyi-etnicheskie-54225.html>. — Дата доступа: 29.08.2018.
34. *Иванов, В. В.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 41 с.

Поступила в редакцию 30.08.2018